

20.01.05,
2024

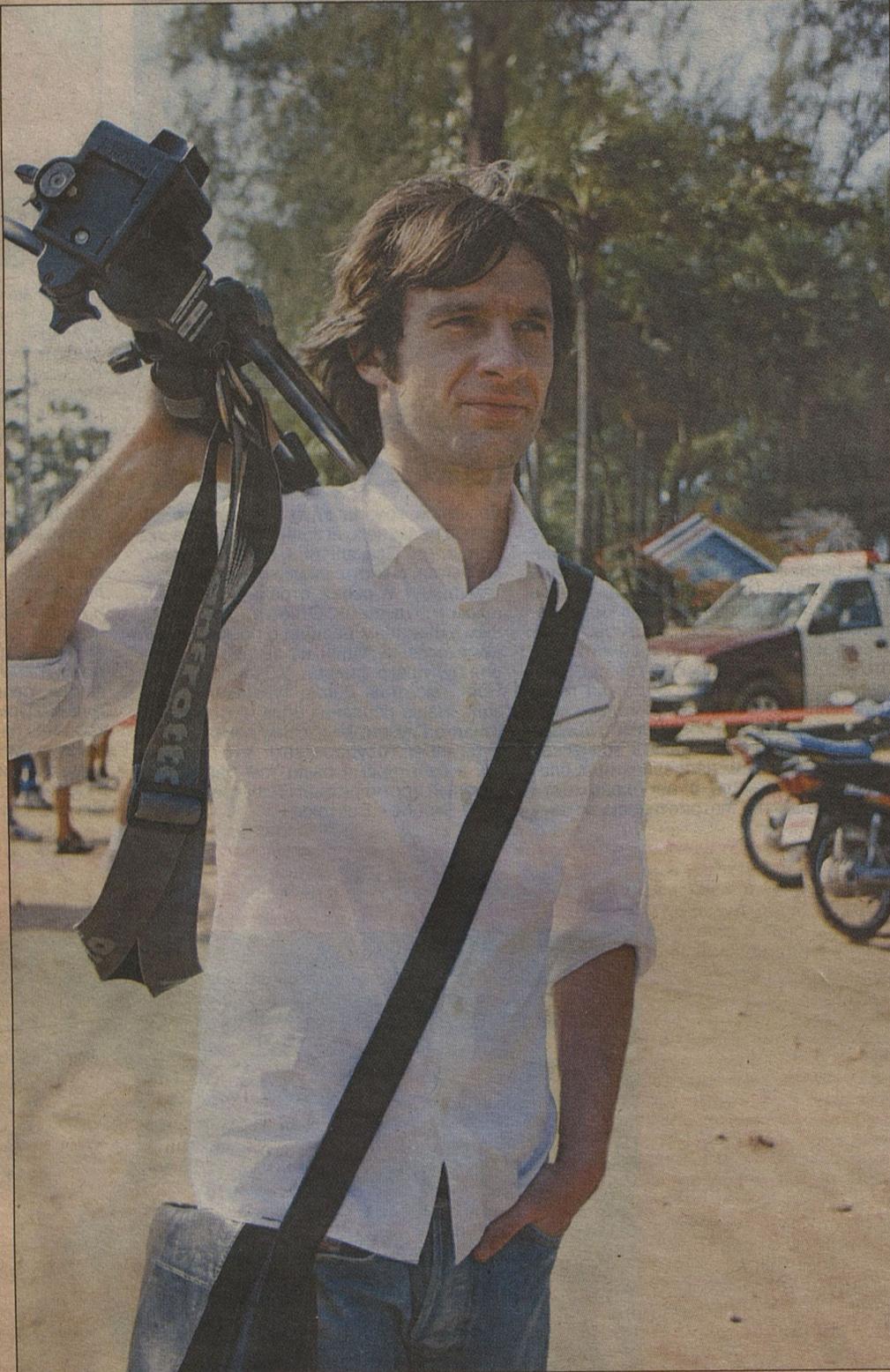
Главная тема

Русский курьер. - 2005. - 20 янв. - с. Т16-Т17

Андрей Лошак: «Нежный океан испортил себе репутацию»

Такого я никогда не видел. Машины на крышах домов, свернутые гармошкой, роскошные отели без стекол, куча вещей, чемоданы дорогие распахнутые, очень много обуви... И запах трупов. Это первое, что мы почувствовали на набережной. При этом трупов не было, видимо, они в большом количестве были под завалами. И абсолютная тишина

Лошак Андрей

везу, вы будете моими туристами, там полиция уже, я скажу, что вас везу в отель, который там находится. И мы приехали в Патонг. Это был центральный пляж на Пхукете, самый тусовочный, куча баров, отелей, магазинов, ночная жизнь. И как раз все это накрыло. Зрелище кошмарное. Такого я никогда не видел. Машины на крышах домов, свернутые гармошкой, роскошные отели без стекол, куча вещей, чемоданы дорогие распахнутые, очень много обуви... И запах трупов. Это первое, что мы почувствовали на набережной. При этом трупов не было, видимо, они в большом количестве были под завалами. И абсолютная тишина. Набережная, которая вечером должна сиять огнями баров, ресторанов, отелей, клубов, - абсолютно мертвая. И море спокойное-спокойное. Турагент нас бросил там, сказал, что боится полиции, если его поймают, лицензию отберут. И махнул рукой в неопределенном направлении - там, мол, отель не смыло. И вот мы идем, страшно очень, потому что все говорили, что все должно повториться. Еще и собаки воют. И кто-то говорит: собаки воют, это они покойников чувствуют. А оператор наш Саша Чистяков, такой начитанный мальчик, говорит, что читал где-то: собаки воют к землетрясению. Мне стало совсем нехорошо. На пляже абсолютно никого, встретили только группу тайцев, которые сидели прямо на земле. У них смыло жилища, и они собирались там спать. Они же все дико приветливые, улыбки. Вот и заулыбались нам, поздоровались, а когда мы прошли, они очень многозначительно как-то крикнули нам вслед: «See you tomorrow!» («До завтра!») Не знаю, что они имели в виду, но было ощущение, что находишься в фильме ужасов.

Мы пришли в единственный уцелевший отель. Там прямо на ресепшне все люди спали на полу на матрасах в трусах и майках, в чем волна застала... На тот момент среди постояльцев отеля 10 человек пропали. Нам сказали, что какие-то украинцы пропали. Мы начали брать интервью у людей. Это были практически одни англичане, они показали нам хоум-видео волны. А вот администрация гостиницы почему-то оказалась очень неприветливой. Они выставили нас на улицу, не разрешили переночевать, и два часа до рассвета мы спали просто на голой земле. Можете представить, в каком «боевом» расположении духа я приступил с утра к работе на новости, причём их нужно было каждые два часа передавать по телефону. А ведь ничего нельзя

было понять. Несмотря на продвинутые средства связи, никто не мог дать никакой информации там, на месте. Поэтому приходилось просто читать то, что мне надиктовывали из Москвы. Это обычное явление. Это всегда важно, потому что создается эффект присутствия - корреспондент по телефону издалека вызывает доверие. Первых очевидцев я встретил в аэропорту. Какие-то шведы рассказали, что коварство цунами заключалось в том, что вода сначала отступила, начался отлив, и люди начали собирать рыб, кораллы. Одна женщина мне рассказала, что у нее на глазах смыло пожилых людей, которые просто не в состоянии были убежать. Молодые-то убежали и детей, видимо, подхватили. Хотя и среди них было очень много жертв. А пожилых просто всех смыло.

- Затем вы почему-то пропали из новостей.

- Я проработал на новости два дня. А потом приехал Леша Веселовский от информационной службы, и я мог вернуться к съемкам фильма для «Профессии - репортер». Я уехал в Паттайю продолжать снимать секс-туризм. Речь шла о том, что на Пхукете десятки тысяч погибших, информация поступала очень плохо, и масштабы трагедии были непонятны. Первые два дня никто не понимал, что произошло. В том числе и в развитых странах с их вроде бы системой спутникового слежения - никто не понял, насколько все страшно. Или скрывали. Что скорее всего. Ощущения, что это глобальная катастрофа, не было, поэтому я уехал. На следующий день я снял все, что хотел для фильма, практически за один вечер.

- Почему же решили вернуться? Начальство потребовало?

- Мне позвонила мама, которая живет в Германии. Ее звонок открыл мне глаза. Она сказала: «Ну неужели тебя руководство НТВ по-прежнему заставляет снимать фильм про секс-туризм? Это же неэтично! Так жалко этих тайцев. Они такие мужественные, не думают о себе, стараются помочь иностранцам». И мне вдруг стало настолько стыдно, что я даже не признался, что это моя инициатива. В общем, на следующий день я поехал опять в Пхукет. Естественно, начальство не возвращало.

- За время вашего отсутствия многое изменилось?

- Как-то постепенно с каждым днем становилось все кошмарнее и кошмарнее. Мы прилетели под Новый год. Все храмы буддистов уже были превращены в морги. Мы попали в Коллах - это ме-

- Андрей, как вам удалось оказаться в самом центре событий?

- Ирония судьбы заключается в том, что мы ехали туда снимать совершенно другую историю. Сейчас это даже как-то кощунственно звучит, мы собирались там делать фильм о секс-туризме. Таиланд ведь известен тем, что туда приезжают люди со всего света именно за этим. В основном это европейцы и американцы. Столица секс-туризма - это Паттайя - городок на побережье Сиамского залива. Мы приехали туда 25 декабря. На следующий день огляделись и поняли, что снимать нам придется вечерами. А весь день в принципе

свободен. И мы с пляжным полотенцем направились к морю. Поэтому я как-то очень оптимистично смотрел на перспективу пребывания в Таиланде. Почему бы и нет - за 10 дней снимем эту историю, утром пляж, вечером съемки. И тут мне позвонили из Москвы: начальство, узнав о цунами, заволновалось, жив ли я. Ну а когда выяснили, что жив, сказали лететь на Пхукет. Никто сначала не понимал масштабы трагедии. Я попытался было увильнуть. Кажется, ну тряхануло, ну и что? Трясет периодически планету. Потом мы начали звонить нашим знакомым, которые тоже должны были быть героями фильма о

секс-туризме. Они как раз на Пхукете отдыхали, потом должны были перебраться на Паттайю. Телефоны у всех вырублены, никто трубку не берет. Тогда и испугались по-настоящему, начали звонить каким-то людям, которые могли быть там, с трудом дозвонились. Нам сказали, что там произошел какой-то кошмар. И стало понятно, что нужно туда ехать, грех туда не ехать, потому что мы оказались действительно ближе всех российских журналистов. Поехали в Бангкок, там с трудом купили билет и уже вечером были в Пхукете. Удивительно, нас никто не хотел везти к морю. Мы ведь думали сразу поехать на набереж-

ную, посмотреть, что произошло. Ни один таксист не хотел везти к морю, ни за какие деньги. Мы предлагали 200-300 долларов. Там езды порядка 30 километров. А нам отвечали: к морю не поедем, страшно. Было видно, что люди действительно боятся и случилось что-то ужасное. Потом нас согласились подвести в город, на возвышенность. Только там мы увидели переполненные больницы, повсюду машины «скорой помощи». Представитель крупной русской турфирмы неожиданно проникся тем, что мы не можем поехать на набережную и снять это все, хотя бы увидеть. Он сказал: ну хорошо, я вас про-

сто на подъезде к острову Пхукет, прибрежная зона. Там все просто смыло. Причем это был новый тренд туристический. Ему год от силы. И он очень популярный сейчас среди европейцев. Там безумно красивые пляжи, а сверху леса и горы. То есть отдых на любой вкус – море, пальмы, а чуть выше хвойный лес и горы. И ничего, ни одной уцелевшей постройки, там нельзя было найти ни одного ресторана, ни одного работающего кафе на протяжении 40 километров. В Таиланде это просто уму непостижимо, что бы негде было поесть.

И очень жутко было в монастырях. Они там через каждые 10 километров. И каждый был завален трупами, они лежали рядами, как в Освенциме. Сначала они просто лежали и разлагались на солнце, потом на них стали надевать мешки, подписывать. Все это происходило на наших глазах.

– **Говорят, сначала никто не знал, что делать с трупами.**

– Было все очень хаотично и несистематично. Никто не был готов к такой трагедии. Но тайцев трудно винить. Они работали на пределе возможностей. Может быть, конечно, в другой стране все было бы более организованно, но тайцы достаточно расслабленные, да и не ожидал никто от этого океана такой подлянки. Насколько я выяснил, более 300 лет он был абсолютно спокоен. Более 300 лет это был ласковый и самый нежный океан в мире. Системы предупреждения там не было, люди действительно очень спокойно отдыхали. За 15 минут океан испортил себе имидж, – грустно улыбается Андрей.

Я понимаю людей, которые не воспринимают, когда им показывают крупные планы разрушенных домов и отелей. Приблизительно так воспринимаешь все и на месте, пока не столкнешься с личной драмой

– **Когда принимали решение вернуться в Пхукет и снимать, не было страшно?**

– Страшно было в первую ночь. Страшно было, когда была волна и первые часы после этого, когда люди осознавали, что произошло. А потом уже не было страшно. Потом было ужасно, кошмарно. Опять же, я все это воспринимал достаточно отстраненно... Когда много-много тел, как-то не понимаешь, что происходит. Пока я не встретил героя фильма Володю, не было такой выключки, человеческой трагедии не было. Поэтому я понимаю людей, которые не воспринимают, когда им показывают крупные планы разрушенных домов и отелей. Приблизительно так воспринимаешь все и на месте, пока не столкнешься с личной драмой. Видишь трупы, но они безликие, они в пакетах. Видишь фотографии тел жуткие, которые даже на людей не похожи. Первые два дня еще можно было кого-то опознать, а ведь тела находили еще очень долго. Даже когда мы уже уезжали. Две недели уже прошло. Это даже сложно назвать человекообразными существами – просто куски разложившейся ткани.

– **А как вы нашли героя? Наверное, далеко не каждый согласится сниматься в фильме, потеряв жену?**

– Это он нас нашел, а не мы его. Подошел совершенно потерянный человек, спросил, говорим ли мы по-русски, кто мы. Сказал: «а у меня жена пропала». И вот мы стали ездить с ним, жить с ним. Говорит по-английски он не очень хорошо, мы для него переводили. Я, честное слово, думал, не получится его снять – ну и не надо. Важно стало, что я могу хоть как-то поучаствовать в его судьбе, может быть, помочь. И на самом деле ему было это важно. Я чувствовал, что любое тепло, внимание со стороны были необходимы. Потом к нему прилетели друзья из Питера, поддерживали. Очень страшно видеть человека, который потерял свою любовь. И это, наверное, даже страшнее, чем мать, потерявшая сына, или наоборот. Друзья говорили про Володю с женой, что они были одно целое, что он потерял половину себя. Очень светлый человек. Видимо, и эта Саша была чудная. Почему это должно было случиться именно с ней? Когда понимаешь природу этой трагедии, ужас в том, что в ней никакой логики и смысла. Проявление первобытного хаоса. Когда чеченцы взрывают метро – мы можем найти в этом хоть какую-то логику. А тут... Смело просто всех подряд. А ведь многие оказались там совершенно случайно, как и Володина жена Саша.

Знакомство с Володей меня раздавило. И я даже не знаю, что у меня получилось. Это тот случай, когда жизнь сильнее любого искусства, любого кино. Такое не сыграешь, так не затнешься сигаретой, как он, выкуривая до

фильта. Я понимаю, что это надо показывать, но у меня остался какой-то от всего этого неприятный осадок.

– **Из-за того что человеческую трагедию пришлось превратить в кино?**

– Да. Хотя я себя не виню, я понимаю, что это нужно, это лучшее, что можно показать. Только так можно передать ощущение трагедии, показать ее крупным планом. Крупный план этой трагедии для меня – Володино лицо с сигаретой, которую он не выпускает изо рта. И все же это реальность, это волна горя, которая накрыла человека в действительности. И тут все время возникают какие-то сомнения. Конечно, Володе совершенно ничем нельзя помочь. И я до сих пор не знаю, правильно ли я сделал, показав его. Я чувствую, что с ним теперь связан. Он звонил мне после фильма, немножко с издевкой поздравил с творческой удачей. Он в Таиланде до сих пор с матерью. Они решили продолжать поиски, пусть даже бессмысленные. И он сказал, что хочет встретиться, когда приедет. Я обязательно встречу.

– **Почему же подобные катастрофы в странах третьего мира случаются, но подобного резонанса в мире не вызывают?**

– Когда тысячами гибнут люди третьего мира, мы к этому как-то привыкли. Но когда

гибнут тысячи шведов или немцев. Такого не было со Второй мировой войны.

– **Если бы ты вдруг оказался в России в этот момент и тебе сказали ехать туда. Ты бы поехал?**

– Наверное, постарался бы отмазаться. Я не люблю эти темы. Не люблю и не умею об этом снимать, на самом деле. Сейчас я выполнил свой долг, но в принципе я не уверен, что надо так делать, достаточно информационных сообщений. Все сами могут додумать, если захотят. Я стараюсь держаться в стороне от катастроф, но на этот раз она сама меня нашла.

– **В «Огоньке» была статья журналистки, которая то же случайно оказалась в Таиланде на отдыхе. Она возмущена наплевательским отношением нашего посольства к нашим туристам.**

– Не могу сказать, что видел наплевательское отношение. У нас турист специфический. Видимо, мы не привыкли решать свои проблемы через посольство. Мы сами были свидетелями того, как в этом кризисном центре, который организовался буквально на следующий день, возле каждого стола с названием страны суежилась куча народа. У нас сидел консул, и никто не приходил. Может быть, не распространили информацию? Не знаю. Наши туристы предпочитали в основном переселяться в другие отели с помощью турфирм, которые за них несли ответственность, и продолжать отдыхать. А к посламу бежали в первую очередь те, кто стремился немедленно отправиться домой. Наши же, мужественно сжав зубы, продолжили отдых.

– **Это не показалось вам неэтичным?**

– Я их не осуждаю. Это трагедия местного населения, очень гостеприимного и живущего за счет туризма. Действительно лучшее, что можно сейчас для них сделать, – это продолжить отдых и тратить там деньги, создавать рабочие места. Понятно желание уехать домой после такого, но я не считаю, что оставшиеся поступили неэтич-

Я вообще на острове не видел ни одной истерики. То, за чем охотятся журналисты, ничего не было. Все просто сжались, как даосы. Просто общие обреченность и спокойствие

но. Таиланд разделен на две части. Одна часть выходит на Индийский океан, другая на Тихий. В Патайе не чувствовали никакого землетрясения. Приезжайте туда, ничего страшного.

– **Наверное, на острове, где произошло такое несчастье, не очень праздничное настроение?**

– Таиланд – это совершенно особенное и странное место. То ли дело в буддизме, то ли в улыбчивости. Мы случайно наткнулись на похороны погибшей девочки. Мама улыбалась, папа улыбался, ни одной слезинки не было, ни истерики. Я вообще на острове не видел ни одной истерики. То, за чем охотятся журналисты, ничего не было. Все просто сжались, как даосы. Может быть, это потому, что мама этой девочки верит, что у дочки будет следующая жизнь удачнее, чем эта. А с другой стороны, винить совершенно некого. У нас пытаются обвинить метеослужбы. Но жертвы были неизбежны. Может быть, поэтому не было злости и истерики. Просто общие обреченность и спокойствие. Люди считали трупы, люди фотографировали, рассматривали, пытались найти своих близких. Никаких истерик. Ничего. Даже среди

иностранцев. Ни одной слезинки не видел.

– **В вашем фильме не было шокирующих кадров, рек крови и прочих ужасов, которые так любит телевидение в последнее время. Запретили показывать или сработал внутренний цензор?**

– В анонсах фильма обещали горы трупов. И некоторые даже разочарованы: там обещали такое страшное, ну и где оно? Мы пришли, приготовили себе ужин, сели уютненько, и ничего... Народ у нас любит кровь и ужасы. Поэтому и рейтинг бешеный, рекордный для нашей программы – каждый третий телевизор по Москве. Не знаю, как по России. Все пришли смотреть на реки крови.

– **А вы специально не показывали?**

– А зачем это показывать. Есть некие такие принципы не показывать тела крупным планом, мы даже старались не показывать фотографии тел крупным планом. Мы же не фильм ужасов снимаем, а фильм о трагедии человеческой, о чувствах, которые она вызывает. А покореженные трупы мне снимать не позволял внутренний цензор.

Алина РЕБЕЛЬ

